

ПРОШЛОЕ БУДУЩЕГО

Пушкин сегодня: человек или ресторан?

170 лет назад был убит величайший русский поэт

Образ Пушкина начал отливаться в бронзу в конце XIX века, лет через 50 после смерти. Именно тогда Александр Сергеевич стал главным национальным поэтом Российской империи: его произведения изучались во всех учебных заведениях страны, а 100-летие со дня рождения праздновалось с невиданной широтой. О юбилее писали все газеты, Православная церковь в честь 100-летия совершала богослужения, которые прошли по всей России. На обширном пространстве "от Тихого океана до Балтийского моря и от Ледовитого океана до границ Афганистана" — так писали в печатных СМИ того времени — прокатились многочисленные лекции, торжественные заседания, театральные представления, и даже была организована бесплатная раздача школьникам плиток шоколада с изображением поэта (преemptивность сохранилась — детвора советского периода начнет приобщаться к национальному поэту посредством шоколадок "Сказки Пушкина").

Крупный вклад в разработку имиджа Пушкина внес вожь всех времен и народов, который очень точно оценил пропагандистский потенциал творчества и жизни Пушкина. Сталин не стал дожидаться крутой даты, связанной с рождением поэта, отметив 100-летие со дня гибели Александра Сергеевича в 1937 году беспрецедентным по размаху политическим спектаклем. К этой дате произведения Пушкина были изданы тиражом около 20 миллионов экземпляров, при этом его переводили почти на все многочисленные языки народов СССР. Сочинения Пушкина легли в основу программы "социалистического образования" широких масс, тогда же появился лозунг: "Пушкина — в каждую семью!". Александр Сергеевич выступил в качестве модели для воспитания нового советского человека — весьма актуализировалась фраза Гоголя о Пушкине: "Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет". Поэт Николай Тихонов на торжественном заседании, посвященном Пушкину, произнес: "И когда мы окончательно победим во всем мире и все народы принесут на пир дружбы радостные имена своих гениальных поэтов и писателей, мы вспомним тебя, Пушкин, первым на всемирном нашем торжестве!". Всемирного торжества не случилось, но по-прежнему Александр Сергеевич — поэт номер один в постсоветской России. Впрочем, по-прежнему больше, чем поэт. Правда, качества и свойства этого "больше, чем поэт" меняются, уходя от кондовой идеологизированности в сторону одомашненной приземленности. Однако надо сказать, что духовная составляющая его светлого образа хоть и видоизменяется, но продолжает существовать.

Празднование 200-летия со дня рождения Пушкина возбудило в художественном и интеллектуальном сообществе разговоры двух типов. С одной стороны, заговорили о выведении образа Пушкина в тираж, превращении его в бренд, а отрывки из его стихов — в рекламные слоганы. С другой стороны, покойный академик Александр Панченко сказал, что склонный к поиску святых русский народ может рассматривать Пушкина как духовного отца, как святого русской культуры. Да к тому же мы достигли рубежа, когда по завету Гоголя русский человек, по крайней мере, должен начать приближаться к Пушкину.

Мы попытались уловить, в каком состоянии образ великого русского поэта находится сегодня, обратившись к ряду литературных деятелей.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ:
Он многолик, как Будда

— Пушкин — это "наше всё", поэтому он может быть и брендом, и духовным явлением. Я помню статьи "Пушкин как марсианин", "Пушкин как еврей", это нормально. Пушкин многолик, как Будда, каждый видит в нем свое. То, как его представляют, свидетельствует не о Пушкине, а о том, кто о нем высказывается. Как говорят: не важно, зачем ты ходишь в синагогу — мо-

жет быть, перчатки воровать, — главное, чтобы ты ходил в синагогу.

Высказывание Гоголя вырвано из контекста, на самом деле непонятно, что он хотел сказать. Тем не менее эта фраза вошла в культурный обиход, стала афоризмом. Но я думаю, что мы движемся, скорее, от Достоевского, чем от Пушкина. Пушкин — это воплощение гармонического начала, возможности гармонии, а наш мир дисгармоничен и не очень уютен. Мы о Пушкине судим со стороны, не знаем, что у него внутри кипело, но для меня его образ связан с поиском возможности гармонии, хотя бы временной. Несвобода всегда присутствует в России в той или иной степени, поэтому архетип пушкинской личности остается актуальным. Пример поведения Пушкина в условиях несвободы жив и важен для нас.

Является ли Пушкин нашим духовным отцом? Так оно и есть. В русском народе есть стремление к идеализации своих героев. "Пушкин-святой" существует в той же парадигме, что и "Путин-царь".

Это метафора, ее ущербность заключается в том, что, если ее продолжать, она обесмысливается. "Пушкин-святой" — такая же метафора, как "Лев Толстой — зеркало русской революции" или "Троцкий — проститутка". Но в Толстом, как в зеркале, нет руги, а Троцкий не выходил на улицу в чулках. Продолжение метафоры превращает ее в абсурд.

Дмитрий БЫКОВ:
Нынешняя ситуация
похожа на 1837 год
больше, чем когда-либо

— Образ Пушкина раздваивался еще при его жизни (что было отражено уже в "Ревизоре"): с одной стороны, большой оригинал, светский персонаж, наиболее распространенный символ поэта — жена-красавица, пьянство, карты, дуэли и т.д., а с другой — реальный автор, которого читает и понимает три процента населения. Это нормальная ситуация, так было практически со всеми русскими литераторами. Сегодня не происходит ничего нового, более того, нынешняя ситуация похожа на 1837 год больше, чем когда-либо. Тогда было три процента грамотного населения, оставшиеся 97 процентов образовывали абсолютно темную массу. Сегодня мы к этому благополучно вернулись, как будто у нас не было советского опыта.

В некотором отношении наш современный человек приблизился к Пушкину. Если Пушкину априори была ясна тщетность некоторых социальных экспериментов, то сегодняшний человек знает это на собственном опыте — он это видел. Ему двести лет напомнили, что "на всех стихиях человек — тиран, предатель или узник", он в это окончательно поверил. Потом, мера свободы современного человека приближается к пушкинской. Пушкину приходилось опровергать страшное количество условностей, которые были так расшатаны, сегодня можно вести себя с большей мерой безоглядности.

Пушкин был человеком очень быстрым, конечно, его сильно выручили бы Интернет и электронная почта. В этом отношении наш темп жизни и мысли приближается к темпу Пушкина, мы ближе к нему, чем жители его очень медленного времени. Вынужденный универсализм, когда приходится заниматься огромным количеством вещей ради выживания. Тут мы тоже ближе к Пушкину. Конечно, Пушкин был нашим настоящим университетом, а не Ломоносов. Сегодня волей-неволей каждому приходится делать двадцать разных дел одновременно. Что касается отношений с женщинами, настала гораздо большая свобода, которая, конечно же, была бы Пушкину по душе. Жадность к миру, открытость границ и возможность путешествовать — тут его мечта исполнилась вполне. Вопреки рассуждениям пессимистов, я думаю, что русский человек движется к Пушкину.

Мне кажется, что сейчас представления о чести остались крайне жесткими, потому что наблюдается еще большая, чем у людей пушкинской

Посмертная маска А.С.Пушкина с волосами

эпохи, жажда доминирования, дикого непрерывного самоутверждения. Человек той эпохи мог самоутвердиться еще в какой-то деятельности — на благо государства или литературы. Сегодня у человека самоутвердиться в работе нет никакой возможности — труд его почти всегда рабский, неважно — работает он в государственной или частной корпорации. Поэтому жажда беспрерывно что-то кому-то доказывать гораздо больше, чем в пушкинские времена. Отсюда очень нервная обстановка в Интернете — все с легкостью друг друга оскорбляют.

Пушкин — не всемирный поэт, а русский. В этом смысле он НЕВЫЕЗДНОЙ. Если худо-бедно можно перевести на другой язык его тексты, то его хандра, тоска, отчаяние непереводимы. Чтобы их понять, надо в этом вязком мире жить. Пушкин с нами.

Борис ДУБИН:
Любая известная
фамилия — это бренд

— Для массы людей любая известная фамилия — это бренд. Для меня лично Пушкин — величайший поэт. Не могу сказать, что живой, но у меня существует загадочное, уходящее в глубины лет естественное ощущение его как поэта номер один — никогда даже не возникало других мыслей. Сфера "все на продажу" захватывает любое пространство. Кто-то припомнит, что такой Ван Гог: это тот, который себе ухо отрезал. На Пушкина это в высшей степени распространяется, именно потому что он — главный поэт.

Я не уверен, что такого рода "брендизация" связана с величиной таланта. Скорее, она связана с местом в мысленных культурных иерархиях. Когда это место первое, возникает культурный бренд. Я не знаю, насколько талант, например, Александра Пушкина, больше, чем талант Александра Пуш-

кина, — нет инструмента, чтобы измерить. Но в мысленной иерархии имена возникают сразу: поэт — Пушкин, композитор — Бах, художник — Леонардо да Винчи. Имена людей, которые первыми приходят в голову, являются реальными участниками "брендовой" игры.

Поскольку процесс разложения школы успешно продолжается, можно предположить, что не каждый человек сегодня запросто вспомнит хоть строчку из Пушкина, как это было раньше. "Брендизация" — это функция олигополизации. Имена поэтов, композиторов, спортсменов, полководцев употребляются как олицетворение мощи страны, поэзии как таковой и т.д. Этот процесс существует и делает свое дело, но он не имеет отношения к тому удовольствию, которое доставляет общение с книгой, когда ты вспоминаешь то, что любил у этого автора. Это явление совсем иного рода.

Вершиной "брендизации" можно считать попытку объявить Пушкина святым. Мне такая мысль никогда не приходила в голову, когда я вспоминаю о нем. Блок в анкете о Некрасове написал: "Некрасов был человек страстный". Это можно сказать и о Пушкине.

Гоголевская фраза изумительна, он абсолютно прав. В образе Пушкина его поэтическая полнота соединяется с ощущением того, что это впервые — ни у кого так не было. Первичность, неподдельность, отсутствие подражания кому бы то ни было соединяется с полнотой осуществленности. Другого такого не было. Современный русский человек — это человек распадающийся, не знающий, как себя найти и т.д. Высказывание Гоголя сегодня можно воспринимать как заклятие, мерку, канон на память, надежду в конце концов. Пушкин невероятен, он и надежда, и свершение, он и в прошлом, и в буду-

щем. Пока эта неопределенность зыблется, пока в ней есть напряжение, Пушкин будет жить как поэт.

Тимур КИБИРОВ:
Я не люблю разговоров
о святости поэтов

— Пушкин стал брендом, и это было неизбежно. Так же неизбежно, как в Италии брендом стал Данте, в Англии — Шекспир, в Германии — Гёте. Сколь бы пошлым и безвкусным нам это ни казалось, это не так плохо. Гораздо хуже, когда брендом становится Сталин, что, кстати, потихоньку у нас и происходит.

Брендом Пушкин стал в массовом сознании, и это понятно. Поэтом он остается для тех, кто способен читать, причем поэтом еще более актуальным, чем он был при жизни. Я уверен, что на сегодняшний день самым актуальным поэтом является Александр Сергеевич Пушкин.

Качественных изменений в отношении к Пушкину, в бытовании его образа в массовом сознании в сравнении с 1960 — 1970-ми годами я не заметил. Думаю, что хоть строчку из него и сегодня способны произнести многие. Брендом он был и в советские годы. Другое дело, что при общей угрюмости официальной культуры этот бренд был более величественным и скучным, сейчас — больше кабацкой разудалости.

Гоголевская фраза о Пушкине, честно говоря, мне всегда казалась странноватой. Смысл ее для меня был непостижим. При всей моей любви к Пушкину я не могу представить его в виде некоего образца, к которому все должным подтягиваться. Пушкин, насколько мы можем судить, был умным, нравственным и т.д. человеком, но по преимуществу он был поэтом. Это особая категория людей. Как-то сам Пушкин писал о композиторах: не дай бог, чтобы все так чувствовали силу гармонии, с миром про-

изошло бы нечто непредсказуемое! Поэтому я чрезвычайно далек от желания, чтобы общество, в котором я живу, состояло исключительно из людей, похожих на Пушкина. Боюсь, что это общество было бы не очень уютным. Но эти перспективы можно не рассматривать, поскольку ничего подобного не может случиться по определению.

Современный человек, скорее, удался от Пушкина. Да и продолжает удаляться. Пушкинскую культуру характеризовал прежде всего аристократизм, а мы все поповеем и поповеем, и конца этому процессу не видно.

Разговоров о святости поэтов я очень не люблю, поскольку тут происходит смешение двух областей, которые в нормальной культуре (если под культурой иметь в виду не только изящные искусства) должны быть разделены на художественную культуру и религию. Святые бывают в церкви, в светской культуре могут быть гении, таланты, но святых там не бывает. С Пушкиным наблюдаются манипуляции двух видов, которые чрезвычайностораживают: либо нам пытаются внушить, что он не писал ничего, кроме "Отцы пустынноики и жены непорочны", либо — что все, кроме "Гаврилады", не имеет никакого значения. И то и другое — вредная глупость.

Дмитрий ПРИГОВ:
Мы жили и живем
в эпоху Гоголя

— Пушкин стал таким же брендом, как Леонардо да Винчи или Малевич. Это имена, которые что-то значат, они остаются в истории в оторванности от их деятельности. Многие из тех, кто знает имена Вергилия или Гомера, не очень представляют себе, что они писали. Очевидно, история так и работает: остаются имена с некоей фантомной аурой без точного понимания, что же они делали. В этом проявляется инерция культуры.

Что касается гоголевской фразы о Пушкине, то, я думаю, здесь можно использовать фрейдистскую модель: говоря о нем, он имел в виду себя. Да и трудно сказать, кто, кроме него, мог бы стать моделью для описания русского человека через двести лет. Пушкин, будучи поэтом, являл социально-адаптивный тип своим собственным поведением, Гоголь как прозаик делал это внутри своих произведений — вспоминал набор гоголевских героев. Они были актуальными и в советское время, актуальны они и сейчас. Пушкин никогда и не был классическим русским человеком, он был проявлением доживающей античности в пределах русской культуры. О Пушкине писали как об идеальном типе нравственного человека, но то же самое можно было говорить, например, о Сократе. Я думаю, что Пушкин никогда и не был русским человеком. В какое-то время он представлял тип аристократа, но отнюдь не русского разночинца. А Гоголь как раз этого человека и показывал. Мы жили и живем в эпоху Гоголя.

Разговоры о том, что Пушкин является духовным отцом русского народа, мне кажутся, по меньшей мере, странными. Как только начинается редуцирование проблемы, мгновенно возникают всякие манипуляции и игры. Пушкин на роль святого мало подходит, если уж искать святого, то свои усилия стоит направлять, например, на феномен Серафима Саровского. Хочу заметить, что всенародная любовь к Пушкину — несколько инсинуированное явление. Эта любовь, скорее, общегосударственная. Пушкин внедрялся в народное сознание образованием и большими государственными кампаниями, сопровождаемыми слоганами типа "Ленин — Сталин, Пушкин — Лермонтов — Толстой". Как только культура в своем тоталитарном и государственном значении ослабла, Пушкин в народном восприятии занял вполне нормальное место в пределах развивающейся культуры.

Подготовили
Елена ГАРЕВСКАЯ,
Сергей ШПАЛОВ